

После полудня Юнь Сю наконец выспался и вспомнил, что перед сном обещал Цю Чэну съездить к нему домой.

На следующий день после свадьбы традиция возвращаться в родительский дом была непреложным законом этих мест.

Это ярче всего свидетельствовало о том, насколько муж дорожит своей женой.

Утром они проспали и не успели вовремя, но во второй половине дня обязательно нужно было выкроить время и съездить, иначе люди вокруг начнут судачить.

Сам Цю Чэн не слишком-то обращал внимание на пересуды за спиной, но, глядя на своего юного супруга, такого тонкокожего и склонного накручивать себя по пустякам, понял: ради душевного спокойствия Юнь Сю съездить всё же стоит.

Юнь Сю проснулся раньше Цю Чэна. Проснувшись, он не стал будить мужа, а просто уставился на него во все глаза.

Он пытался взглядом запечатлеть черты лица мужчины, который только что стал его законным мужем.

Мужчина был очень красив: густые брови напоминали мечи, переносица была высокой и прямой. Если бы он женился на обычной девушке, из него вышел бы поистине превосходный муж.

Только жаль, что достался он ему.

Юнь Сю жалел своего мужа, и на душе у него было как-то муторно. Ему хотелось коснуться лица Цю Чэна, чтобы убедиться в реальности происходящего.

На самом деле, изначально он всё тщательно обдумал: раз он мужчина, но подчинился другому, пусть это будет платой за доброту.

Если бы муж невзлюбил его и даже пальцем не тронул — это было бы к лучшему.

Ну а если муж овладеет им, но не испытает никаких чувств — что ж, пусть это останется лишь возмещением долга перед старейшиной.

Он обдумывал оба варианта, и меньше всего был готов именно ко второму.

Но даже во втором случае это просто немного ранило бы его сердце.

В конце концов, он слишком долго был обязан старейшине, так что расплатиться в любом случае следовало.

Больше всего Юнь Сю поразило и выбило из колеи неожиданно хорошее отношение к нему со стороны мужа.

О подобном он даже не помышлял перед свадьбой; такое несбыточное чудо Юнь Сю не смел и вообразить.

В тот самый момент, когда рука Юнь Сю почти коснулась лица Цю Чэна, тот, словно что-то почувствовав, внезапно открыл глаза.

Его глубокий взгляд уперся прямо в Юнь Сю: сперва в глазах мелькнула настороженность, сменившаяся затем расслабленностью.

Юнь Сю в испуге попытался отдернуть руку, но Цю Чэн перехватил его за запястье и притянул обратно.

А затем прижал чужую руку — его собственную руку — к своей щеке.

Вынужденно прижатый к лицу Цю Чэна, зажатый в кольцо его пальцев, Юнь Сю мгновенно почувствовал себя не в своей тарелке: ему казалось, что кожа мужа под его ладонью пышет жаром.

Его влажные глаза испуганно захлопали. Он никак не ожидал, что его поймают с поличным, до того как он успеет завершить свой умысел.

Видя эту перепуганную кроличью мордашку, Цю Чэн находил мужа до умопомрачения милым:

— Хочешь потрогать — так трогай смело. Ну как тебе мое лицо? Жена осталась довольна?

Откуда Юнь Сю было знать, что муж заговорит так прямо? Он попытался оттянуть руку назад, но Цю Чэн держал мертвой хваткой — сдвинуть ее с места не было никакой возможности, оставалось лишь кивнуть:

— Д-доволен.

На самом деле он совершенно не понимал, каково это на ощупь, — от внутреннего страха все тактильные ощущения казались смазанными.

Однако Цю Чэна это не волновало. Услышав ответ, он усмехнулся и пошел дальше:

— Если жена хочет поцеловать, тоже не нужно стыдиться, бери пример с меня.

Закончив эту бесстыдную реплику, Цю Чэн, не выпуская запястье Юнь Сю из своей хватки, подался вперед и чмокнул его в щеку.

Шутка ли — притворяться спящим, пока твой собственный благоверный так долго на тебя таращится! Еле-еле дотерпев до этого момента, разве мог он упустить шанс урвать хоть капельку сладости.

В тот самый миг, когда лицо Цю Чэна отстранилось, щеки Юнь Сю мгновенно залились ярким румянцем, вспыхнув до самого основания.

— Я-я не стыжусь.

Хотя он и утверждал, что вовсе не стыдится, на деле был готов со стыда забиться под одеяло. Этот контраст заставлял сердце Цю Чэна трепетать от умиления.

Как же захотелось зацеловать такого супруга еще сильнее!

Исключительно здравый смысл удержал Цю Чэна на месте, иначе от дневных шуточек слуг Юнь Сю сгорел бы со стыда и вовсе перестал показываться людям на глаза.

Немного порезвившись, они наконец встали. Оба были одеты в простую одежду старого мужского кроя.

В магазине одежды, принадлежавшем Цю Чэну, давным-давно шили множество нарядов на западный манер — платица, костюмы, самые разные фасоны.

Находились даже отдельные витрины с измененными моделями ципао нового образца, чтобы зажиточные госпожи и барышни могли выбрать что-то по вкусу.

Однако в особняке Цю старейшина придерживался консервативных взглядов старых времен, так что и сам Цю Чэн, отправляясь туда, облачился в традиционное платье.

Впрочем, средство передвижения выбрали вполне современное: черный домашний Форд V8, к которому полагался даже шофер.

Юнь Сю никогда прежде не ездил в таких легковушках и, усевшись внутри, поначалу чувствовал себя неудобно.

Цю Чэн же невозмутимо распорядился ехать к дому семьи Юнь; все необходимые подарки были давно заготовлены и аккуратно уложены в багажнике автомобиля.

Дом Юнь находился не слишком близко от особнячка Цю, машина ехала по улице небыстро, и дорога заняла добрых полчаса. За это время состояние Юнь Сю изменилось разительно: сначала он с любопытством всё разглядывал, потом почувствовал усталость и, наконец, окончательно прислонился к Цю Чэну, чтобы отдохнуть.

Понимая, что мужу нездоровится, Цю Чэн заботливо придерживал его за талию, позволяя полностью опереться на своё плечо.

Лишь когда они почти подъехали к дому семьи Юнь, Юнь Сю приободрился и прижался лицом к окну машины, разглядывая улицу.

Дом семьи Юнь тоже был предоставлен старейшиной Цю: на фундаменте их прежнего жилища построили небольшой уютный дворик.

У ворот уже стоял парень-подросток — младший брат Юнь Сю. Ему сейчас всего шестнадцать, он ещё совсем молодой, но ростом уже перегнал старшего брата.

Цю Чэн бросил на шурина оценивающий взгляд: тот оказался куда крепче его собственного оплота нежности, да и кожа у парня была гораздо смуглее.

Черты лица братьев определенно имели нечто общее, но в целом различия бросались в глаза.

Лицо Юнь Сю словно вобрало в себя все достоинства и отца, и матери, обладая той утонченной красотой, где мягкие черты юноши граничили с женственной привлекательностью.

Младший же брат унаследовал куда больше от отца, поэтому его внешность выглядела более мужественной и резкой.

Как только автомобиль плавно остановился у ворот дома Юнь, Юнь Юй сразу же бросился навстречу. Увидев, что Юнь Сю благополучно и без приключений выбирается из машины, он наконец-то смог искренне выдохнуть.

— Старший брат. — Поймав на себе полный надежды взгляд Цю Чэн, Юнь Юй на мгновение занулся, словно подбирая к нему правильное обращение. — Свояк.

— Ого, братишка! — с широкой улыбкой отозвался Цю Чэн.

Подоспевший Юнь Юй помог занести часть подарков, которые привезли Цю Чэн и Юнь Сю.

Глядя на довольного Цю Чэна, Юнь Юй в душе почувствовал себя гораздо спокойнее.

С самого утра он безотлучно ждал у калитки, даже обедал прямо на пороге.

Юнь Юй прекрасно знал, на какие жертвы ради семьи пошел старший брат.

Старейшина Цю — человек благородный и порядочный, он никогда не занимался принуждением или сделками против воли. Еще когда Юнь Сю был совсем ребенком, он лично поинтересовался мнением самого мальчика, а также его родителей.

Стоило бы Юнь Сю произнести хотя бы одно слово против, и старейшина Цю ни за что не стал бы доводить дело до конца.

Но разве маленький Юнь Сю не понимал бедственного положения своей семьи? Разве не видел, что творится за пределами их дома? В такое смутное время обрести покровительство влиятельного человека было невероятной, поистине сказочной удачей.

И потому, даже несмотря на возражения родителей, Юнь Сю, бросив взгляд на младшего брата, который еще совсем недавно лежал в пеленках, молча кивнул и дал свое согласие.

В детстве Юнь Юй ничего об этом не знал — в ту пору, когда заключалась договоренность, он едва появился на свет.

В те времена тяжелейшие испытания выпали на долю не только семьи Юнь, но и всех окрестных соседей — многие едва сводили концы с концами, голодая месяцами.

Взрослые еще могли стерпеть голод, дети постарше — тоже, но младенец не мог ждать.

Юнь Сю от природы обладал тонкой, чувствительной душой и глубоким чувством благодарности. С определенной точки зрения его твердое согласие означало одно: он

наверняка спасет жизнь младшему брату.

Когда Юнь Юй немного подрос и узнал, что его любимый старший брат собирается выйти замуж за мужчину, он, разумеется, счел это неправильным и тут же побежал расспрашивать родителей.

Отец и мать, которые и без того испытывали тяжелейшее чувство вины перед Юнь Сю, выложили младшему сыну всю правду от начала и до конца.

Семья Юнь, при всей своей бедности, не была плохой или подлой, иначе они бы просто не смогли воспитать такого чудесного человека, как Юнь Сю.

Рассказав все сыну, родители хотели донести до него одну простую истину: твоя жизнь спасена старшим братом, и в будущем ты обязан помогать ему во всем.

Если подумать, то, пожалуй, жизни абсолютно всех членов семьи Юнь были спасены Юнь Сю.

В период бегства от ужасов войны семья тащила за собой грудного младенца и шестилетнего ребенка, и кто-то один обязательно должен был оставаться дома, чтобы присматривать за ними.

Если бы работать уходил кто-то один, семье, возможно, удавалось бы кое-как сводить концы с концами, затягивая пояса.

Вот только найти работу в те дни было невероятно трудно. Если бы не финансовая поддержка старейшины Цю, они вряд ли смогли бы благополучно пережить то самое первое время, когда только пытались пустить корни на новом месте.

Юнь Юй считал, что его старший брат — человек невероятно противоречивый.

Стоило ли говорить о том, как он пугался даже дворовой собаки покрупнее, жившей по соседству? И при этом — с такой отвагой решиться на участь, из-за которой злые языки соседей могли заговорить человека до смерти, и подчинить себя другому мужчине.

Юнь Юй не умел красиво выражать свои чувства, но после того, как узнал всю правду, он стал дорожить Юнь Сю еще сильнее и любить его еще преданнее.

Обыкновенно, посещая школу и возвращаясь домой со свободным часом в руках, он непременно принимался рассказывать брату обо всем, чему научился. К учебе же он относился с исключительным усердием, доходящим почти до одержимости.

Стоило в доме появиться хоть какому-то лакомству или редкой вещице, которую учитель

похвалил и отдал в качестве награды, Юнь Юй тут же бежал домой, чтобы первым делом предложить их старшему брату попробовать или повертеть в руках.

Братская связь между ними была необычайно крепка.

Именно поэтому сегодня он так тревожно и ждал их возвращения.

<http://bllate.org/book/22450/2359760>